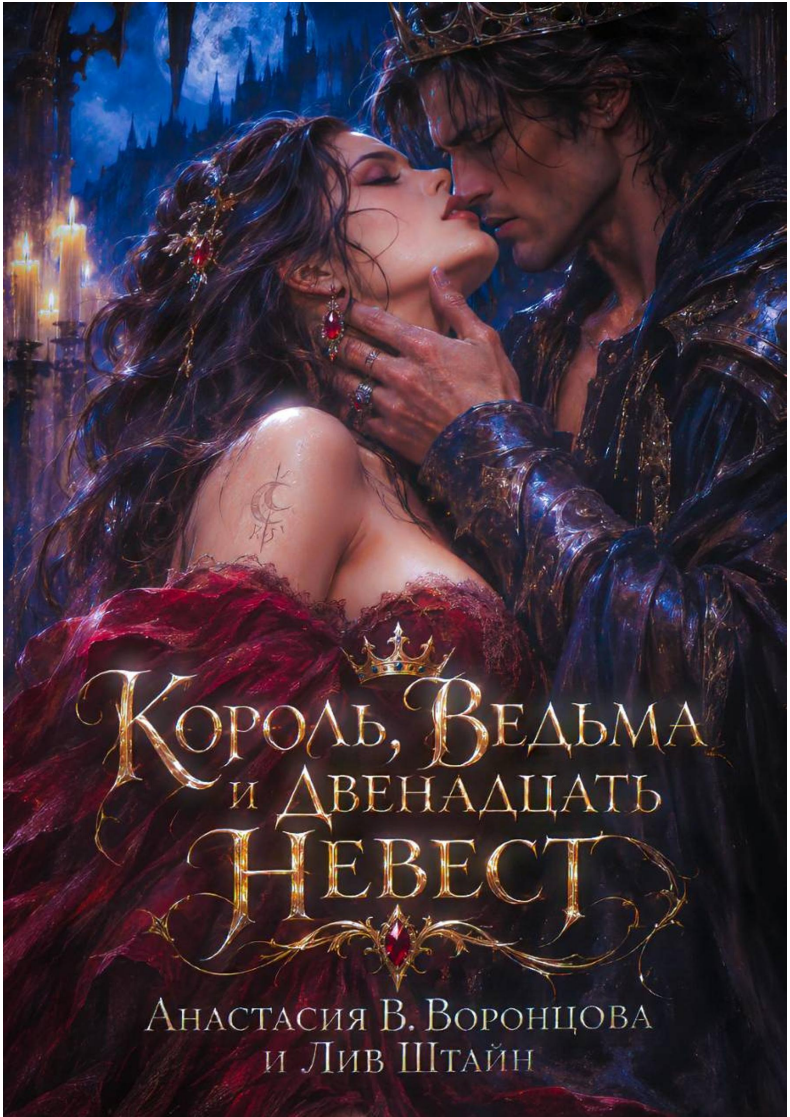

Король, Ведьма
и Двенадцать
Невест
Анастасия В. Воронцова
и Лив Штайн

Анастасия Воронцова
Лив Штайн

Король, ведьма и двенадцать невест

https://litres.ru/74760593
SelfPub; 2026

Аннотация

Ведьма, которая снимает привороты, отправляется на королевский отбор тринадцатой невестой, чтобы шпионить. Найти ту, что хочет околдовать короля, — задача. Не влюбиться в него самой — задача посложнее.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Лив Штайн, Анастасия Воронцова
Король, ведьма и двенадцать невест

Глава 1

Король не входит в дом ведьмы

Обычно я была вполне довольна своей работой. Но в тот день перед моей печью сидели муж с женой, и муж так вцепился в спинку стула, словно стул собирался от него сбежать. Я стул не осуждала.

— Она без меня уснуть не может, — сказал муж.

— А он задыхается, стоит мне задержаться у сестры дольше, чем на полдня, — сказала жена. — Разве это естественно?

Оба смотрели на меня так, будто мне довольно щёлкнуть пальцами — и жизнь у них сразу наладится. Сначала я закрыла ставни, потому что мои дела соседей не касались, потом велела им сложить руки вместе и подержала над ними

свои ладони. Когда между двумя людьми лежат чары, их чувствуешь, как прохладную нить, которая обвивается вокруг пальцев. Идёшь по ней до узелка, развязываешь узелок — а дальше пусть сами решают, остаться им или уйти. В этом всё моё искусство, и оно три поколения кормило мою семью.

Я искала тщательно. Я даже искала дважды, потому что мне нужны были деньги.

Но нити не было. Были только две тёплые, чуть влажные руки, которые не отпускали друг друга, хотя их владельцы с порога успели трижды поссориться.

— Вам не нужна ведьма по разводам, — сказала я.

Муж нахмурился.

— А что же нам тогда нужно?

— Может быть, поговорить.

Жена посмотрела на меня так, будто я предложила ей прыгнуть в колодец.

— Вы любите друг друга, — сказала я. — Это не чары, это просто утомительно. И тут я ничего поделать не могу. Никто не может.

— Тогда и платить мы не станем, — сказал муж и поднялся. — За ничто, ничего не платят.

Я бы охотно объяснила ему, что совет — это совсем не ничто. Но кому мне было жаловаться? Старосте, что ли? «С вашего позволения, эти люди не заплатили мне за колдовство». Мою мать увели в башню и за меньшее, когда мне было шесть, и я не собиралась идти за ней следом.

Так что я улыбнулась и придержала им дверь. Они спустились по тропинке рука об руку и уже снова ссорились.

Я открыла ставни, села за кухонный стол и разложила сушиться свежесрезанные травы: шалфей рядом с семенами фенхеля, лепестки роз рядом с пучком лаванды. Ветер давил на окно, и расшатанная рама дребезжала при каждом сильном порыве. Раньше я бы этого звука почти не замечала. Раньше люди ждали на лавке у стены, на пороге, а если дело было совсем худо, то даже на моей кровати в каморке за стенкой. А теперь я слушала оконную раму.

Мой кошелёк лежал рядом с кувшином воды. Плоский. Оскорбительно плоский.

Я всё равно вытряхнула его на стол, как будто содержимое могло из вежливости размножиться. Три серебряных гроша, два медных пфеннига и пуговица.

— Чудесно, — пробормотала я. — Скоро смогу купить себе на это целый замок.

Пуговица промолчала. Разумеется. Она была пуговицей. Я подвигала монеты туда-сюда, но больше их не стало. Три дня назад приходил управляющий здешнего господина, вытер сапоги о мой порог, будто порог был грязнее его сапог, и сообщил, что с ближайшего срока аренда поднимется на треть. За «домик Руны». Так его в деревне по-прежнему называли все, хотя моя тётя уже три года лежала на погосте. На треть больше за крышу, под которой в дождь я расставляла четыре миски, и за дверь, чей скрип было слышно до самой

площади.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на стену напротив. На ней не висело ни картины, ни полки, ни даже крючка. Я бы с удовольствием вбила хоть один. Но стена была не моя, а управляющий наверняка пересчитывал и дырки.

Собственный дом, подумала я. С крышей, которая не течёт, с окнами, которые закрываются, и со стеной, в которую можно вбить столько крючков, сколько душе угодно.

Я положила пуговицу к серебряным грошам. Не помогло.

За окном посерело. Ещё не ночь, а тот час, когда деревня затихает и тени в углах кухни кажутся больше, чем им положено.

И тут постучали.

В такой час ко мне приходили редко, а если уж приходили, то обычно приносили с собой очень плохой брак или ещё более плохую отговорку. Меня устраивало и то и другое, лишь бы заодно приносили кошелёк.

Я встала и разгладила платье. Оно было простого покроя и залатано по подолу, зато чистое, сливового цвета, и ничего красивее у меня не было.

Постучали ещё раз.

— Иду, иду!

Дверь взвизгнула так, что я вздрогнула. Смазать петли я собиралась уже три года.

— Добрый вечер, сударь, — сказала я.

Мужчина стоял на узкой тропинке спиной ко мне. Он был

высок, и тёмные волосы падали ему на шею — без пудры и без парика. На нём был простой дорожный плащ без вышивки и без герба, какие носят люди, не желающие, чтобы их узнали. Только никто не сказал ему, что для этого и сукно надо брать похуже. Это ложилось такими плотными мягкими складками, что я разглядела их даже в вечернем свете, и стоило оно, наверное, больше, чем я зарабатывала за хороший год.

У садовой калитки ждал второй мужчина с притушенным фонарём. Он был старше, худощав и держался так прямо, словно его растили по линейке. Ниже, там, где тропа уходила в лес, у кареты без огней фыркала лошадь.

Клиент со свитой. Такого у меня ещё не бывало. Я уже прикидывала в уме, насколько поднять цену.

Тут он обернулся, и я забыла, на какой цифре остановилась.

Серо-голубые глаза. Они смотрели на меня так внимательно, что я просто стояла, держась за дверь, и смотрела в ответ.

Клиент, Мара. Платёжеспособный клиент.

Я нацепила улыбку.

— Чем могу служить?

— Мне вас рекомендовали.

Улыбка осталась на месте, но пальцы крепче сжали край двери. Рекомендовали. Кто меня рекомендовал — и, главное, кому?

— Надеюсь, вам рассказали обо мне только хорошее.

Уголок его рта дрогнул.

— Я тоже на это надеюсь.

Ох. Он ещё и остроумный.

Я откашлялась.

— Так чем могу служить?

Он посмотрел мимо меня в кухню, потом снова на меня.

— Я полагал, что гостя приглашают войти. Но, быть может, в Линденгрунде принято обсуждать дела под дождём.

Дождя не было. Я скрестила руки на груди.

— Я вас не знаю.

— Это правда.

— И не знаю, что у вас на уме.

Тут он рассмеялся. Не издевательски и не так громко, чтобы мне было позволено обидеться. Но рассмеялся, и я поймала себя на том, что смотрю на его губы.

Мара. Он клиент. С клиентами не связываются.

— Чтобы сразу было ясно, — сказала я, — с клиентами я не связываюсь.

Он моргнул.

Я бы с радостью откусила себе язык. Вместо этого у меня загорелись уши — как всегда, в самый неподходящий момент.

— Весьма утешительно, — сказал он, когда снова смог дышать. — Я и не собирался оказывать вам такую честь.

Это была шутка или оскорбление? У мужчин в таком хо-

рошем сукне одно от другого не отличишь.

Он всё ещё стоял у моей двери и ждал. А мне было любопытно, и с этого у меня обычно начинаются неприятности.

Я отступила в сторону.

— Ничего не трогать.

Он вошёл, а человек с фонарём остался у калитки, хотя никто не подал ему знака. О низкую балку над дверью все чужаки обычно расшибали лоб. Этот пригнулся под ней, даже не взглянув наверх. Знатные люди, подумала я. Они, верно, учатся пригибаться ещё в колыбели, чтобы потом нигде не набивать шишек.

Я задвинула засов. Тонкая деревянная дверь не остановила бы мужчину такого роста, но рукам нравилось чем-нибудь заниматься.

Он стоял посреди моей кухни, и кухня от этого больше не стала. Его взгляд скользнул по пучкам трав под потолком, по печи, по шаткому столу и по трём серебряным грошам вместе с пуговицей, которые я так и оставила лежать.

Я смахнула пуговицу ладонью под пучок шалфея и потянулась за кружкой. Пальцы соскользнули с края. Прекрасно. Я всё-таки выпила — глоток, потом ещё один, потому что кто пьёт, тому не нужно говорить.

— Что ж, — сказал незнакомец. — Пожалуй, мне следует представиться. Адриан фон Фалькенлихт. Божьей милостью король этой страны, если вам больше по душе титул.

Вода решила пойти не в то горло.

Я закашлялась так, что пришлось ухватиться за стол. То, что не попало в лёгкие, потекло по подбородку и закапало на платье. На моё красивое платье. Ну конечно.

Он подождал, пока я снова смогу дышать, и вид у него при этом был, как у человека, которому на ярмарке показывают особенно удачный фокус.

— Вы не были готовы услышать моё имя?

— Вы король? — прохрипела я.

— Так говорят.

— Тот самый король?

— Насколько мне известно, в Фалькенлихте он только один.

Я посмотрела на его плащ, потом в окно, за которым у калитки стоял фонарь, потом снова ему в лицо. Он стоял на моей кухне так, будто она принадлежала ему — вместе с тропинкой перед домом, колодцем на площади и каждым деревом отсюда до его резиденции. И самое досадное, что так оно, скорее всего, и было.

Короли не приезжали в Линденгрунд. Король присылал в Линденгрунд сборщиков податей и раз в десять лет эдикт, который пастор зачитывал с кафедры. На кухне у ведьмы ему было нечего делать.

Тут я вспомнила, что перед королём полагается что-то сделать. Я начала реверанс, который на полпути решил лучше превратиться в падение, и удержалась, схватившись за стол. Лаванда посыпалась на пол.

— Ваше Величество, — сказала я его сапогам. Сапоги были очень хорошие.

— Встаньте. — Это прозвучало так, будто он прикусил щёку. — Я здесь не для того, чтобы вы топтали свои травы.

Я выпрямилась и поставила кружку так осторожно, словно она могла треснуть.

Он улыбнулся. Конечно, у короля была ещё и красивая улыбка. Наверняка так и записано в законе: корона, замок, конь, улыбка — а без этого и править не позволят.

— Теперь, когда вы знаете, кто я, возможно, вы скажете мне, кто вы.

— Да. Конечно. Я Мара.

Он ждал. Всего один вдох, но этого хватило. У него был титул, королевство и милость Божья. У меня была кружка, которая только что меня предала.

— Мара Рима, — быстро сказала я.

Чудесно, Мара. Теперь король знает твоё полное имя. Следом можешь показать ему, где ты сушишь свою вторую рубашку.

— И чем же вы зарабатываете на хлеб, Мара Рима?

— Я ведьма по разводам.

В печи треснуло полено. Больше не раздавалось ни звука.

Я это сказала. Вслух. Единственному человеку в стране, который одним движением руки мог решить, буду ли я завтра сушить травы или ждать в башне суда.

— То есть, — сказала я, — звучит хуже, чем есть на самом

деле.

Он склонил голову набок.

— Значит, вы ведьма.

— Нет.

Он ждал. Это у него получалось неприятно хорошо.

Я закрыла глаза.

— Да.

Когда я их открыла, он стоял на шаг ближе. Его плащ пах дождём и дымом, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. На целую голову выше меня, если не больше. Совершенно излишне.

— Мне нужны ваши услуги, — тихо сказал он.

Мой взгляд метнулся к засову, потом к окну, потом снова к нему.

— И вы не собираетесь меня сжечь?

Он посмотрел на меня. Долго. Так долго, что я успела прикинуть, сколько шагов до задней двери, хотя никакой задней двери у меня не было. Потом уголки его губ дрогнули.

— Это не смешно, — сказала я.

Ему было очень смешно. Он расхохотался так громко, что снаружи у калитки фонарь приподнялся повыше.

— Нет, — сказал он наконец. — Я не собираюсь вас сжигать. От сожжённой ведьмы мне никакого проку, а мне нужна такая, от которой прок будет.

Услуги, а не костёр. Для начала уже неплохо.

Я придвинула стул и села, не спросив, можно ли сидеть в

присутствии короля. Колени всё равно уже решили за меня.

— Тогда я слушаю.

Он медленно прошёлся по кухне. Остановился под травами, оглядел печь, миску под мокрым пятном на потолке и, наконец, пустую стену.

— Мне говорили, что вы живёте скромно, — заметил он. — Мне преуменьшили.

— Я никогда и не выдавала свой дом за дворец.

— Нет. Это вам вряд ли удалось бы. — Он разглядывал потолочную балку, как человек, который смотрит на крестьянскую лошадь и гадает, переживёт ли она зиму. — Итак. Я женюсь.

— Тогда желаю вам счастья.

— Благодарю.

— Сплести вашей будущей супруге свадебный венок?

— Нет.

— Жаль. У меня это получается посредственно.

Он пропустил это мимо ушей с ловкостью человека, который каждый день что-нибудь пропускает мимо ушей.

— Через несколько недель ко мне ко двору прибудут двенадцать знатных дам. Одну из них я выберу в королевы.

Об этом слышали даже в Линденгрунде, хотя здесь прежде всего хотели знать, нальют ли на свадьбу дармового пива.

— А зачем вам при этом ведьма по разводам?

— Вы тоже приедете ко двору. Тринадцатой невестой.

Я посмотрела на дверь. Может, настоящий король стоит снаружи у калитки и держит фонарь, а этот — просто очень хорошо одетый безумец, который заблудился и забрёл ко мне в дом.

— Я должна быть кем?

— Вы явитесь тринадцатой претенденткой и три месяца проживёте при моём дворе.

Я вскочила так резко, что стул проскрежетал по полу.

— Я, как вы сами только что установили, ведьма.

— Я прекрасно это сознаю.

— И не то чтобы особо знатного рода.

— И это тоже.

— И вы хотите привезти меня ко двору невестой?

— Претенденткой. Для видимости.

— Для видимости, — повторила я.

Улыбка исчезла с его лица, словно он снял её, как перчатку.

— Среди дам будут те, кто владеет магией. Мой первый советник допускает, что та или иная попытается привязать меня к себе. Вы должны выяснить, кто это, и доложить мне.

— Значит, я буду вашей шпионкой.

— Если вам угодно так это называть.

— А как же ещё это называть?

— Поручением.

Ну конечно. Поручением.

— И вы ведь не думаете, что я хочу за вас замуж?

Он приподнял бровь.

— Такое мне и в голову не приходило.

— Конечно. Я же ведьма. Кто захочет жениться на ведьме?

Он смотрел на меня на миг дольше, чем требовал ответ.

— Как хорошо, что мы понимаем друг друга.

Ай. Это попало в цель. Я нагнулась за лавандой на полу, чтобы он не видел моего лица.

— Я хочу лишь ясности, — сказал он у меня над головой. — Я король, вы ведьма. Вы исполняете то, о чём я вас прошу, и получаете за это хорошее вознаграждение.

Я выпрямилась, сжимая лаванду в кулаке.

— Что значит «хорошее»?

— Дом.

— Дом?

— Настоящий дом. С крышей, которая не течёт, и с достаточным числом комнат. С прислугой, если пожелаете.

Я открыла рот и снова закрыла. Взгляд сам собой скользнул к пустой стене.

— И к тому же довольно денег для достойной жизни, — сказал он. — Не в этой…

Он огляделся. Я ждала.

— …лачуге.

— Вы только что оскорбили мой дом.

— Я его описал. Что он при этом выглядит не лучшим образом, не моя вина.

Я хотела возмутиться, правда хотела. Но в мыслях я уже вбивала третий крючок в стену, которая принадлежала мне. И раз на кону стояло так много, я сделала то, чему учила меня Руна на случай, когда перед нами стоит кто-то с очень большими деньгами и очень малым терпением. Я снова села.

— Половину вперёд.

— Простите?

Он произнёс это как человек, которому ещё никто не ставил условий, не испросив сперва позволения.

— Половину денег вперёд, Ваше Величество. Дом в конце — это я понимаю, дом авансом не выдашь. Но если я три месяца проведу при вашем дворе, то три месяца меня здесь не будет. Клиенты разбегутся, а аренду платить всё равно придётся.

— Ваши клиенты, — повторил он и посмотрел на пустой стул перед печью.

Я пропустила это мимо ушей.

— И всё будет записано. С печатью.

— Вы требуете печать от своего короля?

— Я требую её от своих клиентов. Что сегодня мой клиент — король, я изменить не могу.

Он молчал. Я считала удары сердца и досчитала до семи. Потом он потеребил рукав плаща, будто там распустилась нитка. Нитки там не было. На нитки у меня глаз намётан.

— Треть вперёд, — сказал он. — И вы получите свою печать.

— Половину.

— Треть — и аренда за это… поместье будет оплачена за все три месяца.

Я посчитала. Вышло быстрее, чем мне хотелось бы, и вышло хорошо.

— По рукам.

Только тогда мне пришёл в голову вопрос, который следовало задать первым.

— А что будет с дамами, которые владеют магией?

— Они покинут двор.

— А потом?

— Остальное вас заботить не должно.

Лаванда в моём кулаке надломилась. Я подумала о башне, в которой моя мать ждала суда, так и не дождавшись. Потом взгляд упал на стол, где под шалфеем лежала пуговица, которой я едва не заплатила за аренду.

Я положила лаванду и ничего не сказала. Гордиться тут было нечем.

— Платья, украшения и всё прочее, что к этому полагается, я предоставлю, — сказал он. — При дворе я буду обращаться с вами как с любой другой претенденткой. Никто не должен узнать, кто вы.

— А если кто-нибудь заметит, что я не знатного рода?

— Тогда мы позаботимся о том, чтобы никто не присматривался.

Это успокоило меня примерно так же, как волк, который

обещает только посмотреть. И всё же я встала и протянула ему руку — так на скотном рынке бьют по рукам, когда сделка заключена.

Он посмотрел на мою руку. Королю руки, наверное, протягивают для поцелуя. Потом он всё-таки пожал её, и пальцы у него оказались тёплыми и крепче, чем я ожидала. Я отпустила первой. Для меня это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.